Н. Д. КОЧЕТКОВА

ТЕМА «ЗОЛОТОГО ВЕКА» В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

Тема «золотого века» привлекала к себе внимание начиная с античных времен, причем уже у Вергилия она стала соединяться с изображением благословенной страны пастухов — Аркадии.[1]

В русской литературе XVIII в. названная тема получает развитие в связи с возникновением разного рода утопий и поисками «рая на земле».[2] В похвальной оде о счастливом веке обычно говорится не в прошлом, а в настоящем времени. В соответствии с панегрической установкой оды период правления монарха, царствующего в данный момент, объявляется «золотым веком» — порой всеобщего благоденствия и процветания.

Противостоявшая традиционной похвальной оде идиллия открывала новые возможности для развития интересующей нас темы. Основное различие состояло в том, что для оды «золотой век» — это здесь и сейчас; для идиллии — это где-то в другом, очень далеком месте и в другое, далекое время.

Европейская идиллия, особенно идиллия С. Геснера, вызвала у русских сентименталистов огромный интерес.[3] С вниманием к творчеству швейцарского писателя относились в кружке Н. И. Новикова, оказавшем существенное влияние на формирование литера-

---

1 См.: *Snell B.* Arkadien: Die Entdeckung einer geistigen Landschaft // *Snell B.* Die Entdeckung des Geistes: Studien zur Entstehung des europäischen Denkens bei den Griechen. Hamburg, 1955. S. 371—400.

2 См.: *Baehr S. L.* The Paradise Myth in Eigteenth-Century Russia: Utopian Patterns in Early Secular Russian Literature and Culture. Stanford, California, 1991.

3 См.: *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 59—78; *Klein J.* Die Schäferdichtung des russischen Klassizismus. Berlin; Wiesbaden, 1988.

© Н. Д. Кочеткова, 1993

турных вкусов многих писателей, чье творчество тесно связано с сентиментализмом. Показательно, например, что знаменитый пасторальный роман Геснера «Дафнис» («Daphnis», 1754), появившийся в русском переводе в 1783 г.,[4] находился в библиотеке ближайшего сподвижника Новикова И. П. Тургенева: на экземпляре Библиотеки Академии наук (шифр 1783/31) владельческая запись: «Из книг полковника Ивана Тургенева». Спустя пять лет этот перевод с некоторыми исправлениями был переиздан новиковской Типографической компанией[5].

Очевидно, под влиянием своих старших друзей Карамзин, начиная литературную деятельность, обратился к переводу идиллии Геснера «Деревянная нога» (СПб., 1783), и в последующем творчестве писателя явственно прослеживается интерес к швейцарскому автору.[6] В Геснере Карамзин видел прежде всего певца «золотого века» — неудивительно, что в стихотворении «Поэзия» (1787) он назвал его «Астреин друг».

Показательно и обращение Карамзина к переводу «сельской драмы» Х. Ф. Вейсе «Аркадский памятник».[7] Действие этой пьесы происходит в легендарной Аркадии. Представление о блаженной стране можно составить из отдельных высказываний персонажей пьесы. Пастух Лизиас восхищается царящей здесь «вечной весной», «кротким ветерком», «небом чистым, ясным» и т. д. Пастушка Дафна сообщает, что «здесь все покойно, мирно». Вместе с Лизиасом она заявляет, что в Аркадии «вовеки обитают добродетель и покой». Эти мотивы далее варьируются в куплетах:

Там нет вражды, коварства, злобы,
Златое время там течет.

Как и в идиллиях, простота и невинность сельских нравов, скромная трудовая жизнь противопоставляется праздности, обитающей в «мраморных чертогах». В рассказе пастуха Эвфемона в самых общих контурах возникает некий утопический идеал общественного

---

[4] Золотой век Дафнис, или Любовь, сопряженная Природою пастуха с пастушкою... / Переведен с французского языка из сочинений господина Геснера. СПб., 1783.

[5] Златой век Дафниса, или Природная любовь пастуха и пастушки. М., 1788.

[6] См.: *Кросс А.* Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX века Л., 1969. С. 210—228. (XVIII век. Сб. 8).

[7] Детское чтение для сердца и разума. 1789. Ч. 18. С. 65—79, 81—92, 113—128, 129—140, 145—150. Das Denkmal in Arkadien // Der Kinderfreund. 3-e Aufl. Leipzig, 1782. Th. 12. S. 223—273.

устройства: «Часы дня употребляем мы на сельские работы, чтобы, утомившись, наслаждаться ночью приятнейшим сном. Общественное согласие и гармония соединяют всех нас твердым союзом. От здоровой пищи бываем мы здоровы, покойны, веселы». Дафна добавляет к этому, что в Аркадии «добродетель исполняют без гражданского закона».

Идиллическая картина омрачается, когда на сцене предстает гробница с надписью: «И я была в Аркадии». Таким образом, здесь возникает сюжет, получивший огромную популярность в европейском искусстве и литературе благодаря картине Н. Пуссена «Аркадские пастухи» (1638—1639). Как показал Э. Панофски, исследовавший историю этого сюжета,[8] смысл фразы «Et in Arcadia ego» получил два разных толкования. Первоначальному смыслу («Смерть даже в Аркадии») соответствовал ранний вариант картины Пуссена. В более поздний вариант были внесены элементы, позволившие переосмыслить знаменитую фразу, и она приобрела новый смысл: «И я был (родился) в Аркадии». Именно это, второе толкование получило широкое распространение в европейской литературе XVIII в.: «Зимнее путешествие» (1769) Г. Якоби, «Resignation» (1782) Ф. Шиллера, «Сады» (1782) Ж. Делиля и др. Теперь формула выражала элегическое воспоминание о минувшем счастье, уже не достижимом, но живо хранимом в памяти.[9]

В содержании «сельской драмы» Вейсе «Аркадский памятник» оказались значимы оба толкования знаменитой фразы. Но и тема

---

[8] См.: *Panofsky E.* Et in Arcadia Ego: Pussin and the Elegiae Tradition // *Panofsky E.* Meaning in the Visual Arts. N. Y, 1955. P. 295—320. Первоначально напечатано в кн.: Essays Presented to Ernst Cassirer. Oxford, 1936. P. 223—254. Об отражении этого сюжета в русском садово-парковом искусстве см.: *Лихачев Д. С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 228—229.

[9] См.: *Panofsky E.* Et in Arcadia ego... P. 296. Одно из первых русских произведений, где использовалась знаменитая фраза — ода П. А. Словцова «К Сибири», написанная в 1782 г. в связи с учреждением Тобольского наместничества, но опубликованная лишь в 1796 г. Стихотворение включает следующие строки:

Страна моя!
Тебя я не забуду,
Когда и под сырой землею буду;
Велю, чтоб друг на гробе начертил
Пол-линии: *и я в Сибири жил.*

Выделенные курсивом слова при публикации прокомментированы следующим образом: «Аллюзия к известному ландшафту Пусеня: „Et in Arcadia ego“» (Муза. 1796. Ч. 1. С. 100). Здесь удивительно органично соединена элегическая трактовка темы «золотого века» с одической: Сибирь предстает как благословенный край, процветающий благодаря мудрому правлению восхваляемой в оде монархини.

смерти, неизменно сопутствовавшая изображению Аркадии, сделалась у Вейсе предельно просветленной: пастух Палемон, считавший, что его дочь Дафна погибла, неожиданно встречает ее. Тем не менее в конце пьесы развеивается самый миф об Аркадии: выясняется, что ее не существует «под солнцем» и найти ее можно только «в душе спокойной». Пленительный образ счастливой страны оказывается всего лишь мечтой воображения. Тема «золотого века» служит морализаторским целям: пьеса утверждает мысль о том, что счастье в добродетели.[10]

Соотнося концепцию Вейсе со взглядами его переводчика, А. Г. Кросс очень точно заметил о Карамзине: «Он соглашался с тем, что золотой век — иллюзия, и одновременно поддавался очарованию этой иллюзии; он утверждал, что счастье зависит только от самого себя, и все же пытался указать человечеству какие-то универсальные пути к счастью».[11]

Едва ли, однако, можно заподозрить, что Карамзин когда-то наивно верил в существование «золотого века». Писатель связывал с этим понятием идеал, обращенный не к прошлому, а к будущему. В этом отношении Карамзин мог опираться на существовавшую уже традицию в разработке темы. Определенная преемственность прослеживается даже между карамзинской и ломоносовской трактовкой темы: ее использование для прославления мира.

Характерно, например, стихотворение Карамзина «Песнь мира» (1791), представляющее собой вольную интерпретацию гимна «К радости» («An die Freude», 1785) Ф. Шиллера.[12] Идея братского единения людей развивается у Шиллера без непосредственной соотнесенности с темой «золотого века». У Карамзина же она присутствует: причем в его стихотворении преобладают идиллические мотивы:

Птички снова прилетают
В наши рощи и леса;
Снова в песнях прославляют
Мир, свободу, небеса.
Агнец тигра не боится

---

10 Подобная интерпретация темы «золотого века» тесно связана с масонскими представлениями. См.: *Baehr S. L.* The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. P. 90—111, 150—151, 263.

11 *Кросс А.* Указ. соч. С. 221.

12 См.: *Neumann F. W.* Karamzins Verhältnis zu Schiller // Zeitschrift für slavische Philologie. 1932. Bd. 9, H. 3—4. S. 359—367; *Harder H.-B.* Schiller in Rußland. Materialen zu einer Wirkungsgeschichte. 1789—1814. Berlin; Zürich, 1969. S. 27—31.

И гуляет с ним в лугах;
Все творение дружится,
На земле и на водах.[13]

Перерабатывая текст при дальнейших публикациях, писатель внес характерную поправку в рефрен стихотворения. Вместо строк «Веселися, вся земля / С целым миром мы друзья» возник образ, непосредственно связанный с темой «золотого века»:

Век Астреин, оживи!
С целым миром мы в любви![14]

Обратив внимание на это разночтение, Ю. М. Лотман справедливо заметил, что «упоминание Астреи во время царствования Екатерины II прозвучало бы как прославление императрицы, что противоречило отчетливо оппозиционному духу стихотворения».[15] К этому можно добавить, что Карамзин развивает тему именно в том русле, которое она уже обрела в русской литературе предшествовавшего времени, т. е. акцентируя содержащийся здесь утопический элемент.

Для Карамзина, получившего «нравственное образование» в кружке Новикова, насущным оставался вопрос о возможности морального совершенствования как отдельного человека, так и общества в целом. Вполне закономерно поэтому, что в период духовного кризиса, когда просветительские иллюзии были столь серьезно поколеблены, писатель с особой беспощадностью стал развенчивать миф о «золотом веке». Речь шла при этом не о вероятности его существования в прошлом, а о возможности его осуществления в будущем. Полемизируя с Руссо в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении», Карамзин как бы возвращается к теме «сельской драмы» Вейсе и пишет о счастливой Аркадии: «Правда, сия вечно цветущая страна, под благим, светлым небом, населенная простыми, добродушными пастухами, которые любят друг друга, как нежные братья, не знают ни зависти, ни злобы, живут в благословенном согласии, повинуются одним движениям своего сердца и блаженствуют в объятиях любви и дружбы, есть нечто восхитительное для воображения чувствительных людей; но — будем искренны и признаемся, что сия счастливая страна есть не что иное, как приятный сон, как восхитительная мечта сего самого воображения». Да-

---

[13] Московский журнал. 1792. Ч. 5. С. 154 (курсив мой. — *Н. К.*). Выделенные курсивом слова непосредственно соотносятся с двустишием из «Риторики» Ломоносова.

[14] *Карамзин Н. М.* Сочинения. М., 1803. Т. 1. С. 39—42.

[15] *Лотман Ю. М.* Примечания // *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966. С. 385.

лее писатель уточняет: «Аркадия Греции не есть та самая прекрасная Аркадия, которою древние и новые поэты прельщают сердце и душу».[16]

В основе скептического отношения к мифу оказывается недоверие Карамзина к утопическим проектам типа «Платоновой республики мудрецов», при всем его интересе к этим проектам.[17] Но в отличие от утопий, предполагающих более или менее развернутую систему представлений об общественном устройстве, миф о «золотом веке» остается достаточно расплывчатым и неопределенным. И все-таки даже из самых туманных характеристик вырисовывается некий идеал, соответствующий этическим представлениям писателя. Говоря о блаженстве легендарных аркадских жителей, Карамзин обращает прежде всего внимание на характер отношений между ними: взаимная братская любовь, согласие, отсутствие зависти и злобы.

Отлично понимая, что такое была историческая «Аркадия Греции», писатель все же дает простор своему вымыслу в повести «Афинская жизнь», изображая некую прекрасную страну, где жизнь людей не отягчена раздорами: «Электрический огнь любви разливается в сердцах наших. Мы все клянемся жить и умереть друзьями богов и человеков».[18] Здесь вновь возникает тема «всемирного братства», соединенная с постоянно интересующей Карамзина темой счастия: «Там, в отечестве Сократов, более, нежели где-нибудь, более, нежели когда-нибудь, занимались люди важным искусством счастия».[19] Концовка повести, напоминающая о тревожных событиях современности, о гибели пленительной мечты, представляет своеобразную аналогию первоначальной трактовке надписи «Et in Arcadia ego». Но одновременно в повести «Афинская жизнь» присутствует и вторичная трактовка: сожаление о навсегда потерянном блаженстве — тема «Resignation» Шиллера.

При всей сложности этого стихотворения его русские интерпретаторы видели здесь преимущественно «элегическое воспоминание о юношеских надеждах и прощание с ними».[20] Именно такой мотив приобрел актуальное значение для Карамзина во второй половине 1790-х гг.

---

16 *Аглая.* М., 1794. Кн. 1. С. 49—50.

17 См.: *Лотман Ю. М.* 1) Отражение этики и тактики революционной борьбы в русской литературе конца XVIII века // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1965. Вып. 167. Тр. по русской и славянской филологии. № 8. С. 5—27; 2) Поэзия Карамзина // *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. С. 8—11.

18 *Аглая.* С. 58.

19 Там же. С. 26.

20 *Данилевский Р. Ю.* Resignation Шиллера в России // «Прими собранье пестрых глав»: Slavistische und slavenkundliche Beiträge für Peter Brang zum 65. Geburtstag. Bern; Frankfurt am Main, New York; Paris, 1989. S. 45. (Slavica Helvetica. Bd. 33)

Завершая свою работу над «Письмами русского путешественника», в главе «Виндзорский парк», оглядываясь на минувшее, писатель размышлял: «...когда горячка юности пройдет; когда сто раз оскорбленное самолюбие поневоле научится смирению; когда, сто раз обманутые надеждою, наконец, перестаем ей верить: тогда с досадою, оставляя будущее, обращаем глаза на прошедшее, и хотим некоторыми приятными воспоминаниями заменить потерянное щастие лестных ожиданий, говоря себе в утешение: *и мы, и мы были в Аркадии!*»[21] Совершенно очевидно, что речь идет здесь не о «золотом веке» человечества в целом, а о счастье отдельного человека.

Неудивительно, что тот же мотив появился и в камерной лирике Карамзина — в стихотворении «Отставка» (1796), которое было написано примерно почти одновременно с главой «Виндзорский парк». При всей шутливости стихотворения в нем звучит и элегическая нота: «пастушок», уволенный в отставку своей ветреной возлюбленной, вспоминает:

Я жил в Аркадии с тобою
Не час, но целых сорок дней![22]

Комментируя эти строки, Ю. М. Лотман считает их «вольным переводом начала стихотворения Шиллера „Resignation“».[23] Однако знаменитая фраза, повторявшаяся многими знакомыми Карамзину авторами, по-видимому, очень хорошо запомнилась ему еще со времени перевода «Аркадского памятника».[24] Мысль об Аркадии в данном случае ассоциировалась с представлением о счастье, обретенном в любви.

Такой поворот темы, казалось бы, противостоял соединению идеи «золотого века» с утопией, предполагавшей благоденствие всего общества. Самая тема счастья в интерпретации писателей XVIII в. отразила антиномии, существовавшие в мировосприятии людей этой эпохи, прежде всего противоречие между «Природой» и «Добродетелью» («Nature et Vertu»).[25]

Наиболее остро это противоречие Карамзин ощущал во время своего духовного кризиса 1793—1794 гг. В написанной в это время

---

21 *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 354—355.

22 Аониды. 1797. Кн. 2. С. 45.

23 *Лотман Ю. М.* Примечания // *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. С. 394.

24 См.: *Harder H.-B.* Schiller in Rußland. S. 26.

25 См.: *Mauzi R.* L'idée du bonheur dans la littérature et la pensée françaises au XVIII siècle. Paris, 1960. P. 145—148.

повести «Остров Борнгольм» герои сталкиваются с трагической несовместимостью законов Природы и законов человеческих. Описание преступной страсти, которую якобы оправдывает «священная Природа», вызвало возмущение некоторых современников Карамзина. Процитировав песню «Законы осуждают...», входящую в текст повести, С. С. Бобров писал в своем полемическом сочинении «Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» (1805): «Я вижу в сих стихах чрезмерного поблажателя чувственности и не позволенной слабости. Он при заманчивом слоге вперяет хорошее наставление в сердца молодых детей в нынешнем состоянии вселенной. — Беззаконную любовь брата к родной сестре, Лиле, которая в других стихах того же самого содержания описывается прямее и яснее, как-то: любовница, сестрица,— супруга, верной друг,— и с сею-то сестрицею ужасное брата сладострастие оправдывать законами природы, как будто в первые годы золотого века!»[26]

Этот отзыв интересен как одно из упоминаний о «золотом веке» в негативном плане. Спор Боброва с Карамзиным отражает различные представления о «естественном человеке»: для Боброва это дикарь; для Карамзина, автора повести,— человек природы, т. е. «l'homme de la nature», но не «l'homme naturel».[27]

Интерес к руссоистским представлениям о «золотом веке», очевидно, способствовал и обращению русских сентименталистов к сочинениям Ж.-А. Бернардена де Сент-Пьера. Его незавершенный роман «Аркадия» («Arcadie», 1788), принятый во Франции довольно холодно,[28] уже в 1790-е гг. был переведен на русский язык.[29] Хотя

---

26 Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва) / Ст., публ. и коммент. Ю. Лотмана и Б. Успенского // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1975. Вып. 358. Тр. по русской и славянской филологии. № 24. С. 275—276. В комментарии не указано, что приведенная в тексте цитата «Любовница, сестрица — супруга, верной друг» взята из песни, представляющей любопытный рифмованный вариант стихотворения Карамзина, сохранившийся в одном из рукописных сборников. См.: *Kočetkova N. D.* Zur Geschichte des Gedichts «Die Gesetze verurteilen...» von N. M. Karamzin // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1970. Bd. 4. S. 367—372.

27 См.: *Розанов М. Н.* Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в.: Очерки по истории руссоизма на Западе и в России. М., 1910. Т. 1. С. 67.

28 См.: *Souriau M.* Bernardin de Saint-Pierre d'après ses manuscrits. Paris, 1905. P. 209—212.

29 Аркадия (Из Сент-Пьера) // Приятное и полезное препровождение времени. 1797. Ч. 13. С. 193—207, 209—216, 225—239, 257—270, 273—278; Ч. 14. С. 321—336, 337—351, 353—366, 369—383, 385—397, 401—407.

описание «воображаемой республики» осталось только в плане, написанном Сент-Пьером во время работы над романом, но по отдельным штрихам можно составить представление о том, какова жизнь обитателей Аркадии. «Добрый пастух» Тиртей рассказывает путешественникам, собирающимся познакомиться с его страной: «Вы не увидите там ни великолепных палат, ни королевского города, а тем меньше диких и Друидов; но только дерн, леса, источники и пастухов, которые вас примут благосклонно».[30] Давнее противопоставление: «городская роскошь — сельская простота» — дополняется другой, не менее важной, антитезой: грубая дикость — умение ценить природу и ее благотворное влияние на нравы.

Тема «золотого века» приобретала особый интерес в связи с выдвижением на первый план таких критериев, как «естественность», «натуральность». С этой точки зрения пересматривались некоторые традиционные представления, в частности понятие дворянской чести. Идея внесословной ценности человека, столь существенная для литературы сентиментализма, находила своеобразное отражение в буколической прозе. В «пастушеской повести» «Аминт» автор сетует на предрассудки, препятствующие соединению любящих, и мечтает о том самом «золотом веке», который вызвал суровое осуждение Боброва: «О прекрасный золотой век! ты назван так не потому, что источники, вместо воды, заключали в себе молоко, что мед точился из деревьев ‹...› но потому только, что сие без всякой причины горделивое существо, сей истукан заблуждения и злодейств; сей тиран нашего сердца; так названная неразумным народом честь — не примешивала в сем благополучном веке никаких забот к приятным удовольствиям любовников. Ее несправедливые законы несведомы были сим привыкшим к вольности душам».[31]

Эта «пастушеская повесть», подписанная псевдонимом «Дафнис», входит в цикл буколических «пиес», помещенных в «Приятном и полезном препровождении времени». Издатель журнала В. С. Подшивалов сопроводил их публикацию примечанием, свидетельствующим, о том, какое значительное место миф о «золотом веке» занимал в сознании русских литераторов конца XVIII в. «Сия пиеса,— писал издатель о прозаическом этюде «Скрывшийся Амур», подписанном именем «Аркас»,— и две следующие принадлежат к числу тех, кои собраны были некоторым числом молодых людей, отчасти соединенных родством, а отчасти дружбою. Они намеревались издать особенный журнал и посвятить его прекрасному

---

[30] Там же. Ч. 14. С. 402.

[31] Там же. 1794. Ч. 4. С. 405—406.

полу, взяв пастушеские имена по начальным буквам настоящих имен своих, как например: Аркас, Дафнис, Палемон и проч., и составив посвящение из куплетов от каждого пастуха. — Жаль, что их намерение не исполнилось!»[32]

Идиллия становилась частью литературного быта. В пасторальную форму облекались картины реальной действительности. Так, в «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» М. И. Невзоров описывает, как парни и девушки из села Зябликовский погост играют в снежки, и уподобляет их аркадским пастухам, создавая своеобразную северную идиллию: «Хитрый Амур в области снегов умеет производить пламя, и дерзкою рукою Зябликовского Ванюши бросая снежинку в грудь румяной Дуняши, делает иногда больше чудес, нежели томною рукою Аркадского пастуха Меналка, прикалывая розу ко груди прелестно поющей Дафны».[33]

Разумеется, на отечественную «бержераду» постоянное воздействие оказывала и переводная литература. Изысканная игра в «золотой век» продолжала традиции, восходящие еще к популярному в Европе роману О. д'Юрфе «Астрея» (1610). Сокращенная версия этого романа под названием «Новая Астрея» («La nouvelle Astrée»), приписываемая Ф.-Т. Шуази, появилась в русском переводе в 1789 г.[34] Характерно, что автором книги ошибочно был назван С. Геснер, с именем которого прочно было связано представление о пасторальной теме. Именно в этом романе шла речь о превращении светских людей в пастухов. Один из них, Альцей, рассказывает: «Из давних времен многие фамилии из галлов, скучившись светскою жизнию, вознамерились единодушно оставить свое честолюбие, которое они почитали источником своих горестей, и жить в лесах под простою пастушескою одеждою ‹...› клялися пред богами стеречь стада свои в невинности первого века». При этом они «приняли сей род жизни не от бедности»: «...смотрение их за стадами не что иное было, как одна забава».[35] Автора «Новой Астреи» мало интересовали утопические мечты о человеческом братстве: роман представляет собой галантную историю любви Альцея и пастушки Астреи (характерно, что имя легендарной мудрой правительницы носит здесь пастушка).

---

[32] Там же. С. 363.

[33] *Невзоров* М. И. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году. М., 1803. С. 53.

[34] *[Юрфе О. д']*. Новая Астрея. Из сочинений г. Геснера / [Пер. с фр. В. Раевского]. М., 1789.

[35] Там же. С. 18—19.

Игра в «золотой век» становилась утонченным светским развлечением, в нее вовлекались люди, занимавшие достаточно высокое общественное положение.[36] Естественно, что в этой игре устанавливались свои правила, определенные каноны. В разработке традиционной темы уже не так просто было сказать оригинальное свежее слово, добиться того, чтобы варьируемый на все лады вымысел не потерял своего очарования.

Возможность двоякого освещения темы продемонстрировал Карамзин в стихотворении «Протей, или Несогласия стихотворца» (1789). Перед «любимцем муз» возникают пленительные образы:

Когда в весенний день, среди лугов цветущих
Гуляя, видит он Природы красоты,
Нимф сельских хоровод, играющих, поющих,
Тогда в душе его рождаются мечты
О веке золотом, в котором люди жили
Как братья и друзья, пасли свои стада,
Питались их млеком; не мысля никогда,
Что есть добро и зло, по чувству добры были,
А более всего... резвились и любили![37]

Эта картина «золотого века» предстает в совершенно ином свете, когда «певец села» начинает с увлечением восхвалять «успехи просвещения» и человека, сделавшегося «Природы властелином»:

В Аркадии своей ты был с зверями равен,
И мнимый век златой, век лени, детства, сна,
Бесславен для тебя, хотя в стихах и славен.[38]

Кажется, что Карамзин здесь «начисто отверг Аркадию»,[39] но нельзя обойти вниманием самые последние слова: «...хотя в стихах и славен». Эта оговорка представляется весьма существенной, особенно если учесть, какое большое значение на протяжении всего творчества писатель придавал поэтическому вымыслу. Излюбленный прием Карамзина: столкновение полярных точек зрения, противоположных взглядов на один и тот же предмет. «Голос», отрицающий «золотой век»,— это «голос» того же самого поэта, который только что его восхвалял. Второй «голос» спорит с первым, но отда-

---

36 См.: *Krüger R.* Das Zeitalter der Empfindsamkeit. Kunst und Kultur des spätes 18. Jahrhunderts in Deutschland. Leipzig, 1972. S. 39.

37 *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. С. 243.

38 Там же. С. 244.

39 *Кросс А.* Разновидности идиллии в творчестве Карамзина. С. 227.

ет дань восхищения тому искусству, с которым прославляется счастливая Аркадия. Итак, хотя развенчивается наивная вера в существование «золотого века», но утверждается ценность этого мифа как поэтической темы.

Предложенная Карамзиным интерпретация получила развитие в анонимном стихотворении «Прогулка», опубликованном за подписью «Село Низ». Обращение к теме «золотого века» оказывается связано для автора со стремлением способствовать нравственному совершенствованию человечества. «Золотой век» предстает как прекрасный вымысел, помогающий людям сделаться лучше и благороднее:

Уже престали человеки
Тем верить золотым векам,
Которое в стихах поэты
Так живо описали нам;
Огнем усердия нагреты
И ближних искренне любя,
Они, не знав иного средства,
Как смертным облегчить их бедства,
Возмнили, что, употребя
Витийство, пылкость воображенья,
Они тем бáльзам утешенья
Прольют несчастных в грудь людей,
Иль в вымыслах дая уроки,
Они смягчат сердца жестоки,
Извлекши слезы из очей;
Вселят в них к ближним состраданье,
И мирное внушат желанье
Векам счастливым подражать.[40]

Поэт, воспевающий «золотой век», противопоставляется беспринципному стихотворцу, славословящему сильных мира сего. Таким образом идиллическая трактовка темы осознается как гражданственная, отрицающая сервильную оду. По-настоящему «Поэзии священной» служит лишь тот,

Кто, в свет издав свое творенье,
К себе сказать мог в утешенье:
«Я смертных тщился просветить
Моих способностей по силе;
Я фимиамов не курил
Нерону страшному, Атилле;
Льстецу подобно, не служил

[40] Иппокрена, или Утехи любословия. 1799. Ч. 3. С. 56—57.

Пороку, гордости надменной;
Кумир не славил позлащенный;
К разврату не склонял сердца».
Такой поэт почтен лишь будет
Его потомство не забудет
И в гробе прах почтит певца.[41]

Это был спор не только разных направлений и разных жанров — это был спор о целях и задачах искусства. Речь шла о необходимости сохранения нравственных идеалов — идеалов неосуществимых, но служащих ориентиром, который призван помочь отдельному человеку и обществу в целом найти верный путь.

Таким образом миф о счастливой Аркадии становился своеобразным средством воспитания. Вместе с тем усиливалось стремление придать этому мифу осязаемость: найти блаженную страну не в легендах, а в окружающей реальности.

Для Карамзина в свое время таким примером была Швейцария, «земля свободы и благополучия». Но и в «Письмах русского путешественника», восхищаясь многими сторонами жизни этой страны, писатель был далек от ее безоговорочной идеализации.[42] Другие авторы «путешествий» также пытались найти в посещаемых ими краях черты, напоминающие о счастливом «золотом веке».

Так, покоренный красотами Крыма, Павел Сумароков мечтает о возможном блаженстве «в сем Едемском краю» — о жизни в небольшом домике на морском берегу, о «гласе пастушей свирели», о «нивах, обещающих богатую жатву», «деревьях, обремененных плодами». Здесь, где «все дышало бы вокруг ‹...› изобилием, весельем и свободою», человек «обрел бы ‹...› следы златаго века, и все часы его текли бы в беспрерывных удовольствиях».[43]

Для В. В. Измайлова землей обетованной предстала Сарепта — колония немецких гернгутеров на Волге. «Мысленная республика под пером красноречивого Платона не стоит сего добродетельного общества в существенности»,[44] — заявляет Измайлов, возвращаясь к размышлениям Карамзина об утопических проектах. Немаловажно, что обнаруженное путешественником счастливое общество обитает среди живописной природы: «...величественная Волга, рощи и

---

[41] Там же. С. 57—58.

[42] См.: *Данилевский Р. Ю.* Россия и Швейцария. С. 90—113.

[43] *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. С. 92—93.

[44] *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию. М., 1802. Ч. 4. С. 186.

поля: ландшафт приятный!»[45] Описывая нравы жителей Сарепты, Измайлов готов видеть здесь осуществление руссоистских чаяний: «Наука морали и художеств (т. е. ремесел. — *Н. К.*) есть главный предмет воспитания молодых людей обоего пола. Руссо заплакал бы от радости, увидя не в одном воображении Емилев и Софий...».[46] Склонность путешественника к намеренной идеализации Сарепты очевидна, особенно если сопоставить его отзывы с весьма скептическим мнением о сарептянах в мемуарах А. С. Пишчевича, посетившего колонию в 1792 г.,[47] с достаточно сдержанным отношением к гернгутерам В. А. Жуковского («К Воейкову», 1814) и т. д. Важно, однако, что Измайлов, найдя свою Аркадию, видит в ней воплощение нравственного совершенства: «...там научался я быть добрее, сострадательнее, человеколюбивее».[48]

Дистанция, отделяющая писателя от живописуемой им Аркадии, принципиально важна. Чем меньше эта дистанция, тем серьезнее становится опасность перейти от идиллического «золотого века» к одическому, от мечты и утопии — к славословию. Такой опасности не избежал, в частности, П. И. Шаликов в своем «Путешествии в Малороссию», вызвавшем серьезную критику современников. Отвечая оппоненту, Шаликов упрямо утверждал: «Так, я хотел видеть только хорошее ‹...› хотел, чтобы Малороссия была Аркадия...».[49] Умиленное любование землей обетованной в сентиментальном «путешествии» неожиданно составило параллель хвалебной оде, безоговорочно провозглашавшей наступление «золотого века». Если вспомнить, что и в лучших одах, написанных наиболее талантливыми и умными авторами, был весьма существен программный момент, то жанровая заданность в решении темы «золотого века» оказывается не всегда определяющей.

В то же время характерно, что даже Карамзин, обращаясь к жанру похвальной оды, прибегает к привычной формуле. В «Оде на случай присяги московских жителей ‹...› Павлу Первому...» (1796), следуя давней ломоносовской традиции, поэт выдвигает перед монархом целую программу. При этом о наступлении счастливой поры говорится не в настоящем времени, а в будущем:

---

[45] Там же. С. 187.

[46] Там же. С. 179.

[47] Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная. 1764—1805 / С предисл. и примеч. Н. Попова. М., 1885. С. 156—160. Мемуарист, в частности, сожалеет о «девках, запертых в так называемом Сестрином доме», рассказывает об обмане «сарептского торговца» и т. д.

[48] *Измайлов В. В.* Путешествие в полуденную Россию. Ч. 4. С. 190.

[49] *Шаликов П. И.* Новое путешествие в Малороссию // Московский Меркурий. 1803. Сент. С. 178.

Но скоро бедных и несчастных
В странах, тебе, монарх! подвластных,
Нигде не узрим пред собой.
Тогда настанет век златой.[50]

В оде «На торжественное коронование <...> Александра I...» (1801) формула обретает знакомый вид констатации:

У нас Астрея! восклицаю,
Или воскрес Сатурнов век!...[51]

Но и в этом случае речь идет о благоденствии и «славе россов» «во глубине грядущих дней».

Понять же истинное отношение Карамзина к традиционной одической формуле помогает стихотворение «Гимн глупцам» (1802), как бы подводящее итог многолетним раздумьям писателя:

Раскроем летопись времен:
Когда был человек блажен?
Тогда, как думать не умея,
Без смысла он желудком жил.
Для глупых здесь всегда Астрея
И век златой не проходил.[52]

В этих строках не только вновь развенчивается руссоистская концепция, но и опровергается возможность существования «золотого века» «здесь» — и в пространственном и во временном смысле. Карамзин завершает спор о «золотом веке», решительно отвергая и одические славословия, и отнесенную к настоящему времени идиллию. Любая попытка придать осязаемость этой мечте остается уделом «глупцов», и чем неопределеннее контуры этого мифа, тем больше он питает поэтический вымысел.

Таким образом, в русской литературе сентиментализма тема «золотого века» оказывается очень многозначной, переплетаясь с самыми разными темами и мотивами, характерными для направления в целом. Постоянное обращение к мифу о счастливой Аркадии создает традицию, которая, с одной стороны, противостоит сервильной оде, а с другой — готовит предпосылки для разработки темы в творчестве русских писателей XIX в.

---

50 *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. С. 188.

51 Там же. С. 268.

52 Там же. С. 289.